Чем опасны санкционные гонки между США и Россией

Евгений Прейгерман

Резюме

Лето-2018 в российско-американских отношениях стало нетипичным саммитно-санкционным периодом. Пока эксперты и журналисты продолжают переваривать все новые детали состоявшегося месяц назад саммита в Хельсинки, из Вашингтона приходят сообщения об очередных санкциях. Как уже утвержденных, так и ожидаемых.

Содержание

1 Взрывоопасная нестратегичность
2 Восточная Европа и Беларусь
3 Комментарий подготовлен при поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия)

Группа сенаторов внесла в Конгресс законопроект под названием «Акт по защите американской безопасности от агрессии Кремля-2018», который суммирует существующие санкции и предлагает новые. А исполнительная ветвь американской власти вновь обратилась к «делу Скрипалей». Напомним: в марте в британском Солсбери произошло отравление отца и дочери Скрипалей предположительно химическим веществом «Новичок». Почти сразу после этого США вместе с рядом европейских государств применили санкции в отношении России, которая, по их мнению, стоит за инцидентом. Сейчас в Вашингтоне решили вернуться к этой теме, так как Россия «использовала химическое и биологическое оружие в нарушение международного права против своих же сограждан».

В итоге администрация Трампа заявила о вводе фактически двух пакетов санкций. Первый должен вступить в силу 22 августа и будет касаться запрета на экспорт в Россию ряда товаров: электронных устройств, датчиков и лазеров, нефте- и газодобывающего оборудования, а также информационных технологий. Второй –

может стать реальностью на три месяца позже, если Россия не убедит США в том, что не нарушает свои обязательства в области неприменения химического и биологического оружия. В таком случае Вашингтон декларирует готовность даже снизить уровень дипломатических отношений и прибегнуть к жестким ограничениям импортно-экспортных операций. Представитель Госдепа предположил, что речь может идти о потерях в несколько сотен миллионов долларов. По его словам, санкции могут предполагать и «запрет на займы из любого американского банка».

Санкции ≠ стратегия

Когда санкции и контрсанкции объявляются с возрастающей регулярностью, мотивационная часть конкретного решения становится все менее актуальной для анализа. Ключевое значение приобретает то, куда ведет тенденция и какие преднамеренные и непреднамеренные последствия она может иметь.

Понятно, что новые американские санкции не способствуют прогрессу по даже скромным договоренностям, достигнутым на саммите в Хельсинки. Премьер-министр России Дмитрий Медведев назвал решения Госдепа «полноценной экономической войной». Чем чаще слово «война» (экономическая или еще какая-то) будет звучать в официальном российском лексиконе, тем больше это слово будет оказывать давление на сам Кремль: пусть и во вред самой себе, но Россия будет вынуждена придумывать сюрпризы в виде ответных мер.

Любая эскалационная спираль в двусторонних отношениях США и России, очевидно, будет обострять и множество проблем мирового значения.

За этими достаточно очевидными выводами – менее обсуждаемая, но еще более серьезная проблема: отсутствие мало-мальской стратегичности в политике США в отношении России (и, вероятно, не только России). Санкции не могут быть основным инструментом внешней политики, и уж тем более они не могут стать внешнеполитической стратегией.

> Если санкции не являются органичной частью полноценной внешнеполитической стратегии, а используются реакционно, то они лишь создают хаос и неизбежно ведут к разного рода непреднамеренным последствиям.

Решение о введении новых санкций в рамках дела Скрипалей выглядит особенно нестратегичным с точки зрения внешней политики США. Госдеп объявил о нем в тот момент, когда в Москве находился сенатор Рэнд Пол, который передал в

Кремль письмо от Трампа. По утверждению самого сенатора, в этом письме «подчеркивается важность дальнейшего сотрудничества в различных областях, в том числе в борьбе с терроризмом, углублении диалога в законодательной сфере и возобновлении культурных обменов».

Хаотично появляющиеся санкции выглядят странно и с позиции ключевых тезисов Национальной стратегии обороны США, принятой в январе этого года. В частности, она определяет в качестве главного приоритета для Минобороны США долгосрочное конкурирование с Россией и Китаем. И если исходить из тезиса о нарастающей конфликтности в отношениях между великими державами, то полноценная стратегия, которая не только прописана на бумаге (в виде доктрин и концепций), но и реально направляет ежедневные решения, абсолютно критична. Без нее в условиях множества неизвестных переменных на уровне системы международных отношений особенно уязвимым становится не только глобальное лидерство США, но и элементарная безопасность американских граждан.

Не говоря уже о том, что санкционные гонки усугубляют традиционную проблему восприятия в международных отношениях, которая описана в классической работе Роберта Джервиса «Восприятие и неверное восприятие в международной политике». Сегодня эта проблема особенно актуальна для отношений Вашингтона не только с Россией. В той или иной степени она представлена почти на всех ключевых векторах американской внешней политики: в отношениях с ЕС, Мексикой и Канадой, Китаем, странами Ближнего Востока.

Традиционным и проверенным средством минимизировать риски непонимания или неверного восприятия мотивов и намерений партнера/оппонента/конкурента/противника является дипломатия. Но здесь еще одна серьезнейшая проблема: ход событий в российско-американских отношениях и различные влияющие на них факторы существенно снижают возможности дипломатов выполнять свою работу.

> Переговорные каналы максимально обрезаны, особенно после радикальных сокращений дипкорпуса. Даже по очевидно взаимовыгодным темам. И каждое новое санкционное решение сокращает дипломатические возможности еще больше.

Взрывоопасная нестратегичность

При этом очевидно, что санкционные гонки идут, прежде всего, не между Вашингтоном и Москвой, а между Белым домом и Конгрессом: кто докажет свою большую жесткость и решительность. И это результат внутриполитических соображений республиканской администрации, которая стремится не дать демократам возможность зарабатывать политические очки на российской теме.

Но здесь есть важный нюанс.

> Сложившаяся ситуация, скорее всего, указывает на то, что реальной опасности со стороны России в США не ощущают.

Несмотря на то, что в ходе опросов больше половины американцев называют российское влияние угрозой своему благополучию. Но даже аргумент о стратегической уязвимости США в случае нарастания конфликта с Россией, кажется, не воспринимается американцами достаточно серьезно, а лишь очень гипотетически. То есть все понимают, что Россия обладает ядерным арсеналом для уничтожения США, но дыхания этой угрозы в затылок, как в годы Холодной войны, нет. В противном случае в действиях Вашингтона не было бы сегодняшней хаотичности.

Такое положение дел, наверное, является результатом четвертьвекового опыта США в качестве единственной сверхдержавы в эпоху «конца истории». Также такому восприятию России способствует и объективная статистическая реальность: соотношение ВВП и военных бюджетов, демография и результаты стран в НИОКР. Отсюда создается как бы подсознательное чувство неважности российской проблемы, которая где-то в будущем все равно «рассосется» сама собой.

И в этом еще одна плохо осознанная опасность нестратегичности. В России соотношение собственного и западного потенциалов также хорошо понимают. И понимают, что происходящие сегодня преобразования системы международных отношений для нее куда более судьбоносны, чем для США. Для России – это вопрос выживания. А это значит, что у нее не остается других альтернатив, кроме как действовать все более решительно и рискованно по мере разрастания санкционных волн.

Восточная Европа и Беларусь

Действовать России придется по разным направлениям: и по уже привычным, и по новым. Еще большее напряжение будет чувствоваться в разных частях планеты. Но особенно – в Восточной Европе. Этот регион в любом случае был и остается эпицентром физического и концептуального столкновения. В нем сконцентрировано большинство геополитических противоречий между Россией и Западом. Поэтому дальнейшая хаотичная эскалация напряженности при отсутствии стратегического осмысления означает для региона еще большую неопределенность и почти гарантированный перегрев. Ситуация усугублена тем, что для Вашингтона Восточная Европа все же не является приоритетом и воспринимается достаточно отдаленно. И особенно для президента Трампа: достаточно вспомнить его заявления в ходе избирательной кампании о том, что проблемами Украины должна заниматься Германия.

Как показали полтора года президентства Трампа, такая неприоритетность региона приводит не к «большим сделкам» с Россией, которых опасались многие западные и восточноевропейские страны, а к бессистемному подходу в двусторонних и многосторонних вопросах. То есть общая хаотичность в политике США по отношению к России в Восточной Европе может усиливаться еще большим количеством решений, не вписанных в стратегическое видение (которого и нет).

> Новая санкционная волна ожидаемо ставит под еще больший вопрос и мизерные надежды на региональную стабилизацию после июльского саммита в Хельсинки.

Как уже не раз отмечалось, наибольшую опасность в Восточной Европе это несет именно для Беларуси. При любом развитии событий в условиях дальнейшей эскалации геополитической напряженности Беларусь будет сталкиваться с повышенными рисками для собственной безопасности. По этой причине Минск и является основным стейкхолдером нормализации региональной ситуации. Однако инструментарий воздействия на эту ситуацию у Беларуси по понятным причинам очень ограниченный. Возможности Минска зависят, главным образом, от общих геополитических раскладов. И чем больше в этих раскладах будет стратегической определенности, тем с большей вероятностью Беларусь сможет избежать наихудших для себя сценариев. Очевидно, что санкционные гонки не могут вести к стратегической определенности.

Евгений Прейгерман *- руководитель экспертной инициативы «Минский диалог».*

Комментарий подготовлен при поддержке Фонда им. Конрада Аденауэра (Германия)

Евгений Прейгерман

Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»